

плату хороших книг и что на свои средства может приобрести до 5000 томов книг. Онъ пробыл у Лавреніуса два дня и отправился обратно въ Петербургъ. При отъѣздѣ Лавреніусъ поручилъ ему поискать у букинистовъ старыхъ журналовъ и если таковые найдутся, то писать ему, а онъ вышлетъ ему деньги и проект будущей библиотеки. По приѣздѣ въ Петербургъ онъ, Майковъ, получилъ письмо изъ Москвы, гдѣ говорилось, что З. арестованъ и сидитъ, и неизвестное лицо просило въ письмѣ сообщить объ этомъ А. Н. Л., т. е., какъ онъ понималъ, Лавреніусу. Не найдя удобнымъ писать открыто, онъ замаскировалъ это сообщеніе купеческой фирмой, и такъ какъ онъ могъ у букинистовъ купить книги, то просилъ Лавреніуса выслать 100 руб. чтобы не показалось рѣзкимъ, онъ приобщилъ это къ замаскированной фразѣ въ видѣ прибавки жалованья представителю здѣшней фирмы; все это говорится о письмѣ № 1-й отъ 17 іюня. Въ письмѣ онъ просилъ Лавреніуса деньги выслать г. Петрову, своему квартирному хозяину, а проектъ въ К. (Курскъ), потому что, послѣ закупки книгъ, собирался ѣхать въ Курскъ. На это письмо отвѣта не последовало, и онъ, не купивши книгъ, уѣхалъ въ Курскъ. Приѣхавъ въ Курскъ, онъ думалъ, что Лавреніусъ почему-либо не получилъ его письма отъ 17 іюня, — отправилъ ему второе письмо 27 іюля, гдѣ опять просилъ выслать проект библиотеки и прибавилъ, что въ августѣ встрѣтитъ у него хорошаго его знакомаго, которому нуженъ проектъ. Лѣтомъ онъ встрѣтилъ своего знакомаго Алексѣя Ивановича Спицына, съ которымъ его познакомилъ Титковъ. Спицынъ показался ему довольно начитаннымъ человекомъ и онъ хотѣлъ предложить ему, Спицыну, мѣсто библиотекаря въ будущей библиотекѣ, не сказавши впрочемъ ему объ этомъ въ ожиданіи проекта, обсудивши который, онъ могъ бы принять или отказать отъ него. Спицынъ въ это время былъ учителемъ гдѣ-то въ деревнѣ и обѣщался быть въ Курскѣ въ августѣ. Какъ уже выше сказано онъ полагалъ, что Лавреніусъ не получилъ его письма отъ 17 іюня, онъ прибавилъ, что про купца З, онъ уже ему писалъ и дабы лучше замаскировать, онъ говорилъ о немъ съ сочувствіемъ, даже прибавлялъ: „жаль, хорошій былъ человекъ.“ Хотя З, по-истинѣ говоря, онъ совершенно не знаетъ. Это говоритъ о письмѣ № 2 отъ 27 іюня. — Во время его пребывания въ Варшавѣ Лавреніусъ говорилъ, что онъ желалъ бы имѣть свѣдущаго библиотекаря, чтобы онъ, т. е. библиотечаръ могъ выдавать книги толково. Въ Варшавѣ Лавреніусъ говорилъ ему, что на расходы по установкѣ библиотеки едва-ли достаточно денегъ, то онъ предложилъ Лавреніусу часть своихъ изъ тысячи рублей, которую намѣренъ былъ получить по приѣздѣ въ Курскъ. Поэтому, когда онъ получилъ на свое письмо отъ 27 іюня отвѣтъ, въ которомъ Лавреніусъ говорилъ, что приѣдетъ самъ, онъ написалъ Лавреніусу отвѣтъ отъ 20 іюля письмо за № 3, въ которомъ говорилъ, чтобы онъ означилъ сумму денегъ, необходимую для установкѣ библиотеки, и сколько онъ можетъ дать на это самъ, т. е. его взносъ, а также опять просилъ его выслать проектъ, дабы имѣть понятіе о величинѣ комнатъ необходимыхъ и дать его Спицыну для разсмотрѣнія; — но не успѣлъ получить отъ Лавреніуса отвѣта до арестованія. Въ Декабрѣ прошлаго года, по приходѣ его на квартиру къ Лавреніусу, послѣдній ему сообщилъ, что библиотека осуществится въ отдаленномъ будущемъ, такъ какъ онъ теперь не имѣетъ средствъ для приобретенія ея. Затѣмъ сообщилъ Лавреніусу, что молодой человекъ, о которомъ онъ писалъ, есть Спицынъ, съ которымъ и познакомилъ его случайно, не помнитъ хорошо — на улицѣ или въ гостинницѣ. Въ февралѣ, числа не помнитъ, приѣхалъ къ нему, Майкову, Евгенийъ Поповъ съ какимъ-то молодымъ человекомъ и сообщилъ, что ему одна женщина, какъ онъ узналъ впоследствии Кюсогло, измѣнила, и что онъ не знаетъ, что съ собою дѣлать, и что онъ, по его словамъ,

какъ человекъ честный, долженъ дать ему советъ. Онъ сказалъ Попову, что это дѣло чисто юридическое и что онъ едва-ли будетъ въ этомъ компетентенъ и предложилъ ему взять съ собою его знакомаго студента-юриста Лавреніуса, который на это согласился. Вечеромъ того-же дня онъ явился къ Попову съ Лавреніусомъ. Увидавъ пьянаго хозяина, Лавреніусъ просилъ не называть его по настоящей фамиліи, а Бекманомъ; онъ согласился. Въ это время у Попова было нѣсколько молодыхъ людей, кажется четверо, въ томъ числѣ и Спицынъ, и еще пришли нѣкоторые. Во время разговора о семейныхъ дѣлахъ Попова, онъ, Майковъ, мало принималъ участія, а окончившись разговоры съ Поповымъ не обращать вниманія на то дѣло, и онъ далъ обѣщаніе оставить его безъ вниманія. Затѣмъ кто-то заговорилъ объ учащейся молодежи и было предложено оставить библиотеку; объ устройствѣ ея на совершенно законныхъ основаніяхъ говорилъ Лавреніусъ; затѣмъ, когда была высказана невозможность достать книгъ, то онъ, Майковъ, помня обѣщаніе Лавреніуса купить 5000 томовъ, сказалъ, что книги будутъ, и когда его спросили, гдѣ онъ ихъ возьметъ, то, не желая сказать что ихъ купитъ Лавреніусъ, сказалъ совершенно ложно что достанетъ ихъ изъ г. Сумъ. Кажется Евгениемъ Поповымъ, бывшимъ уже сильно пьянымъ, было предложено 500 руб. на библиотеку. Затѣмъ кто-то изъ молодежи предложилъ основать при библиотекѣ общество, дабы оно вмѣнило себѣ въ обязанность растолковать подписчикамъ смыслъ прочитаннаго. Затѣмъ кѣмъ-то, когда онъ былъ въ другой комнатѣ, было предложено остерегаться людей, могущихъ донести о предпріятіи. Названы были какой-то Мойсейченко, учитель Снигиревъ и многіе. Послѣ этого нѣсколько человекъ собрались уходить и у нихъ гдѣ-то было назначено мѣсто встрѣчи. Скоро и онъ съ Лавреніусомъ ушли домой. Кажется на другой день была принесена ему записка, слѣдующаго содержанія: „приходите туда, гдѣ былъ такого-то числа.“ Записка эта была принесена во время его, Майкова, отсутствія изъ дому; онъ ее разорвалъ и не пошелъ, такъ какъ характеръ этого собранія принялъ совершенно другой оборотъ, какъ онъ не ожидалъ, то онъ прекратилъ всякія сношенія, хотя нѣкоторые изъ молодыхъ людей, фамилій не знаетъ, кланялись ему на улицѣ. Съ Лавреніусомъ онъ пересталъ часто встрѣчаться, былъ у него всего разъ или два въ номерѣ. Но на улицѣ встрѣчался, и разъ онъ его пригласилъ пойти съ нимъ въ трактиръ возлѣ Кура, названія не знаетъ. По дорогѣ къ нимъ присоединилось двое молодыхъ людей, бывшихъ у Попова, кажется Ивановъ и Раздольскій; они пришли и потребовали чаю; трое начали вести разговоръ между собою невслухъ; ему это не понравилось и онъ сейчасъ ушелъ, сказавъ, что у него есть дѣло. Затѣмъ онъ какъ-то разъ зашелъ въ номера Монтрезоръ, спросилъ Лавреніуса, но ему сказали, что тотъ куда-то уѣхалъ. Черезъ нѣсколько дней, встрѣтивъ Лавреніуса на улицѣ, спросилъ гдѣ онъ былъ, тотъ сказалъ, что ѣздилъ по своимъ дѣламъ, но куда не сказалъ. Общество, о которомъ онъ выше упомянулъ, должно было быть, по его мнѣнію, тайнымъ и, кажется, цѣль имъ преслѣдуемая — преступна. Какъ часто Спицынъ и Лавреніусъ встрѣчались — не знаетъ и гдѣ они встрѣчались — ему неизвестно, но знаетъ, что видѣлся. На допросѣ 28 марта Майковъ показалъ что Леванда никогда его не просилъ писать и онъ не писалъ подъ его диктовку письма къ Лавреніусу. Познакомился онъ съ Левандой не въ Варшавѣ, какъ показывалъ прежде, а въ Курскѣ. Лавреніусъ былъ знакомъ съ Левандой, гдѣ познакомились — не знаетъ. Живя въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Лавреніусомъ, онъ спросилъ послѣдняго, кому пишетъ, и тотъ отвѣтилъ, что въ Москву къ своему хорошему знакомому Зеге. Думаетъ, что арестованный З и есть это лицо. Хотя и кажется страннымъ, что неизвестное лицо написало ему письмо въ Петербургъ; но полагаетъ, что Лавреніусъ, боясь самъ вести переписку, далъ въ Москву адресъ

его, Майкова, дабы онъ послужилъ посредникомъ между Лавреніусомъ и писавшимъ изъ Москвы. Адресъ же его, Майкова, въ Петербургъ извѣстенъ Лавреніусу, которому онъ писалъ въ Варшаву о своемъ адресѣ.

Въ одной изъ памятныхъ книжекъ Лавреніуса записаны два адреса Майкова: Петербургскій и Курскій. Дворянинъ Михаилъ Тимофѣевъ на допросѣ 18 марта показалъ, что инструкцію членамъ тайнаго общества народнаго освобожденія и билетъ съ печатью комитета того же общества онъ получилъ слѣдующимъ образомъ: вслѣдствіе высылки административнымъ порядкомъ и изъ Петербурга на родину за участие въ беспорядкахъ по университету, онъ, 23 ноября 1879 года, приѣхалъ на жительство въ Донецкую-Семіцу, вскорѣ послѣ этого получилъ изъ Петербурга письмо съ означеннаго комитета; въ письмѣ излагались цѣли, преслѣдуемая этимъ обществомъ, и средства употребляемыя имъ; ему Тимофѣеву, какъ лицу, уже заявившему себя въ нѣкоторой оппозиціи администраціи (по университетскому дѣлу), предлагали вступить членомъ въ тайное общество, съ тѣмъ, чтобы онъ перѣхалъ въ Курскъ и здѣсь пропагандировалъ преступныя идеи среди учащихся; къ письму приложена была инструкція для руководства членамъ общества и билетъ съ печатью тайнаго общества; письмо онъ тотчасъ же уничтожилъ, инструкцію же вмѣстѣ со вложеннымъ въ нее билетомъ сохранилъ съ цѣлью изучить ее воспользоваться добытыми свѣдѣніями въ описаніи развитія социализма въ Россіи, такъ какъ еще будучи въ Петербургѣ, онъ началъ писать большой романъ, гдѣ старался изобразить въ типахъ и очеркахъ и воспроизвести движеніе молодежи въ Россіи за послѣднія десятилѣтія. Романъ этотъ онъ готовилъ для редакціи отечественныхъ записокъ и одну главу изъ неоконченнаго еще романа послалъ уже въ редакцію съ тою же цѣлью — изучить стремленія современной молодежи, найти такъ-сказать корень распространившихся у насъ антигосударственныхъ идей, онъ читалъ и дѣлалъ собственноручно замѣтки изъ нѣкоторыхъ книгъ западныхъ социалистовъ, напр. Маркса, Ланге. Содержаніе письма на сколько припоминаетъ въ настоящее время было слѣдующее: основная цѣль тайнаго общества уничтожить существующій государственный строй, замѣнить его, федеративной республикой съ «непосредственною прямою подачею голосовъ» всѣхъ, равномерное распредѣленіе естественныхъ богатствъ земли, лѣсовъ и т. п., средства къ достиженію этой цѣли путемъ пропаганды среди учащейся молодежи и народа добиться всеобщей революціи. Далѣе слѣдовало объясненіе, почему комитетъ избралъ его, Тимофѣева, въ кандидаты въ агенты своего дѣла, такъ какъ онъ уже со стороны администраціи потерпѣлъ нѣкоторую обиду «несправедливость», такъ сказано было, то естественно въ немъ должна явиться месть; на эту месть, какъ на необходимое проявленіе съ его стороны его личнаго настроенія, въ письмѣ особенно напирала. Въ концѣ всего ему предлагали тотчасъ же поселиться въ Курскѣ, съ цѣлями пропаганды среди гимназистовъ; и если бы онъ послѣдовалъ такому совету, то въ Курскѣ слѣдующіе за нимъ лица ввели бы его въ самое сообщество. Ни адресовъ, ни какихъ либо указаній на другихъ членовъ тайнаго общества въ письмѣ не было, говорилось только, что члены его находятся во всѣхъ значительныхъ городахъ. Почеркъ письма, сколько помнитъ, широкій, размашистый, широко-канцелярскій, какъ говорятъ иногда съ сильными нажимами, особенностей отдѣльных буквъ не помнитъ. Съ Лавреніусомъ онъ познакомился приблизительно въ 1878 году въ Петербургѣ, гдѣ оба, будучи въ университетѣ, познакомились какъ земляки; мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ знакомства Лавреніусъ выѣхалъ изъ Петербурга, какъ говорилъ онъ самъ, въ Варшавскій университетъ. Съ тѣхъ поръ онъ съ Лавреніусомъ не видѣлся и не переписывался. Въ Курскѣ приѣхалъ 9 марта, съ цѣлью